— Я бы хотела, чтобы время вот так остановилось.

— Я знаю...

Мы лежали, крепко держась за руки, и разговаривали, не замечая хода времени.

Когда говорила я, Виола крепко сжимала мою руку, а когда говорила она, я иногда тоже сжимала ее, но мы никогда не отпускали друг друга.

Сила входила в мою руку, державшую ее, например, когда Виола жила в Пиккоме и говорила мне, что хочет вернуться в столицу, и было много дней, когда она не могла этого вынести.

— Марти очень милый. Прямо как ангел.

Пришло время поговорить о сыне Джейкоба и Анны, Марти.

— Ты даже не представляешь, какой он замечательный, Мелисса. Я очень удивляюсь каждый раз, когда вижу его. Он даже не мой ребенок, но у меня такое чувство, что я и этот ребенок связаны судьбой. Ты когда-нибудь чувствовала подобное, Мел? Нет? Потому что вокруг тебя нет детей. Конечно, я никогда не испытывала ничего подобного, но единственное, что я могу сказать, это то, что я поражена... Иногда меня трогает одно только существование Марти. Бывают моменты, когда я плачу, просто глядя на его улыбку.

Виола иногда фыркала, как будто ей было эмоционально просто думать о ребенке, и я, держа ее за руку, тоже была немного тронута.

У меня нет хобби выливать ушат холодной воды на красивую историю, но я подумала, что должна что-то сказать. Тем более что она была моей единственной и неповторимой лучшей подругой - Виолой.

— Ты уверена, что это ребенок Иакова, Виола? Я слышала, что ребенок очень похож на ту женщину по имени Анна.

— Марти. Каждый раз, когда я вижу его, я вижу бывшую любовницу моего мужа... Разве не ужасно думать о бесстыдной женщине, которая исчезла, оставив ребенка, который может быть чьим-то еще?

— Виола. Мне не нравится, что вы просто принимаете эту ситуацию или игнорируете ее...

Я слишком сильно на нее надавила? Виола замолчала. Она не отпустила мою руку, но немного повернула свое тело и легла прямо.

— Мелисса.

Когда я тоже повернулась лицом к потолку, я услышала голос Виолы сквозь шорох одеял.

— Я не сдамся и не приму это беспомощно. Чувство вины перед Джейкобом давно исчезло. Я серьезно.

— Но этот ребенок..

— Даже если Марти не сын Джейкоба, я не думаю, что смогла бы так сильно любить Джейкоба, если бы он был человеком, закрывающим глаза на ребенка, которого прислали к нему, не имея других вариантов, на которые можно положиться.

От этих слов у меня почему-то защемило сердце. Было обидно, что она ни разу не пожаловалась на то, что оказалась в ситуации, когда ей пришлось заботиться о чужом ребенке, как только она вышла замуж в возрасте всего двадцати лет, и только говорила красивые слова, а не сердилась.

— Я скорее благодарна ему за то, что он решил позаботиться о Марти.

Но при следующих ее словах я потеряла дар речи.

— Ты ведь даже не представляешь, как трудно жить в чужой, незнакомой стране мне, всю жизнь прожившей в столице, верно? Даже несмотря на то, что я искренне люблю Джейкоба... бывает много моментов, когда я вдруг чувствую, что потеряла всю свою жизнь.

— Виола...

— Всякий раз, когда я чувствую это, Марти спасает меня.

Это было сложное чувство. Честно говоря, я не очень хорошо его понимала. Я не говорю, что Виола не права, просто я бы никогда не стала такой.

Но в то же время было чувство уважения к Виоле. Между тем, было бесчисленное количество случаев, когда я завидовала девушке, которая родилась с яркой энергией и уверенностью в себе, чего у меня не было, как бы я ни старалась, но это был первый раз, когда я почувствовала это.

Я думала, что причина ее изменений в том, что она вышла замуж, но это не единственная причина.

По сравнению с тем, что было несколько месяцев назад, Виола стала более мудрой и глубокой личностью - настолько, что этого было достаточно, чтобы поверить, что она стала другим человеком.

Дело не в том, что она была неглубоким человеком раньше, и не в том, что то, что она стала другой, не означает, что наши отношения изменятся.....

— Это было очень сложно...

Я плакала без причины. Ночи ее бед и горестей, через которые ей пришлось пройти, пока она смогла говорить спокойно, как сейчас, казалось, вливались в меня через руки, которые она держала. После ее замужества, должно быть, не было ничего, что не было бы суровым.

— В жизни нет ничего неизменного, Виола.

— Да.

— Поэтому я не думаю, что есть ответ. Возможно, мы еще молоды, чтобы говорить об этом, но...

Я и Виола крепко обнялись и утешали друг друга.

— Неважно, в какой ситуации ты находишься, убедись, что ты делаешь выбор, который сделает тебя счастливой. Не беспокойся ни о чем другом... Я верю, что это будет ближе всего к правильному ответу.

Виола тихонько фыркнула.

— Я так люблю тебя, Мелисса.

— Я тоже. Виола.

Мы заботились друг о друге так же, как в детстве. В мире нет ничего, что не менялось бы, но моя искренность ради счастья Виолы, казалось, не изменилась. Это была ночь, похожая на сказку.

Виола, уставшая от долгого пути из Пиккома и проливая слезы, теперь ровно дышала, словно слушая мой рассказ. Мне не хотелось превращать этот теплый воздух в тревогу.

Я рассказала о месяцах погружения в писательство, как человек, рожденный для романов, благополучно сдала его в академию и дала обещание маме. Виола была одновременно любопытна и возмущена, при этом серьезно слушала мою историю.

Будучи самой восторженной сторонницей моих мечтаний, она протестовала против позиции моей матери по отношению к моему писательству. Кроме того, жизнь в качестве замужней женщины, жизнь в качестве писательницы в королевстве и поездка в королевство Луноа - было много историй на ту же тему.

Естественным шагом было то, что тема разговора перешла к Тобиасу Миллеру.

http://tl.rulate.ru/book/66326/2661791